

ВЕРА ИНБЕР

СТИХИ

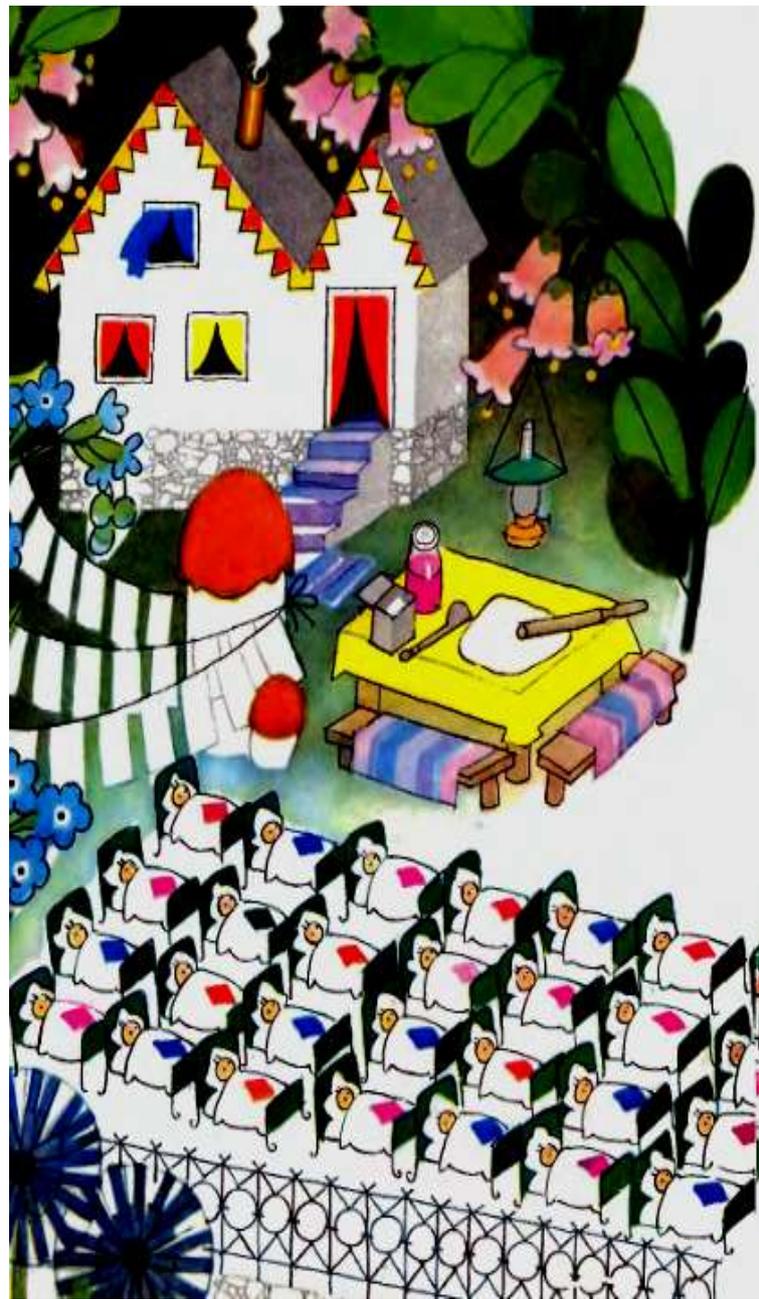

Вера Михайловна Инбер (1890–1972) – русская советская поэтесса и прозаик. Лауреат Сталинской премии второй степени (1946). Вера Инбер родилась 28 июня (10 июля) 1890 года в Одессе. Её отец Моисей Филиппович (Шпенцер был владельцем типографии и одним из руководителей научного издательства «Матезис» (1904–1925). Мать её, Фанни Соломоновна Шпенцер (Бронштейн), двоюродная сестра Л. Д. Троцкого, была учительницей русского языка. Первая публикация появилась в одесских газетах в 1910 году («Севильские дамы»). Жила в Париже и Швейцарии в течение четырёх лет – в 1910–1914. В 1914 году переехала в Москву. В 1920-е годы работала журналистом, писала прозу и очерки. Проведя три года в блокадном Ленинграде во время Великой Отечественной войны, Инбер отобразила жизнь и борьбу жителей в стихах и прозе. Переводила поэтические произведения Т. Г. Шевченко и М. Ф. Рыльского с украинского, а также таких зарубежных поэтов. В. М. Инбер умерла 11 ноября 1972 года.

ВЕРА ИНБЕР

СОРОКОНОЖКИ

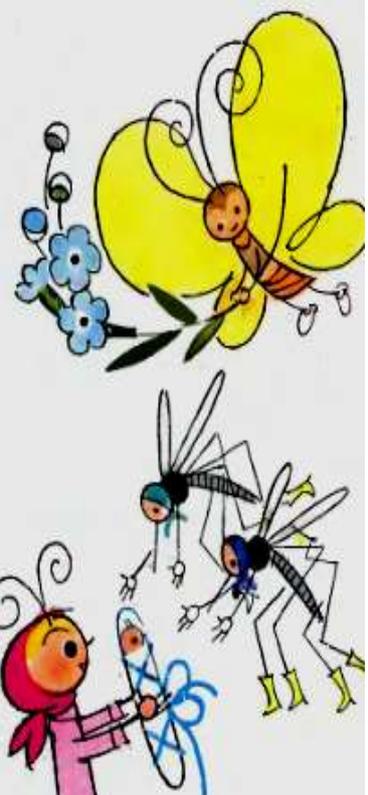

У сороконожки
Народились крошки.
Что за восхищенье,
Радость без конца!

Дети эти — прямо
Вылитая мама:
То же выраженье
Милого лица.

И стоит пригожий
Дом сороконожий,
Сушатся пелёнки,
Жарится пирог.

И стоят в порядке
Тридцать три кровати:
В каждой по ребёнку,
В каждой сорок ног.

Все играют в прятки,
В куклы и лошадки,
Весело смеётся
Сам Сороконог.

Всё растёт на свете —
Выросли и дети.
Носится орава
С самого утра.

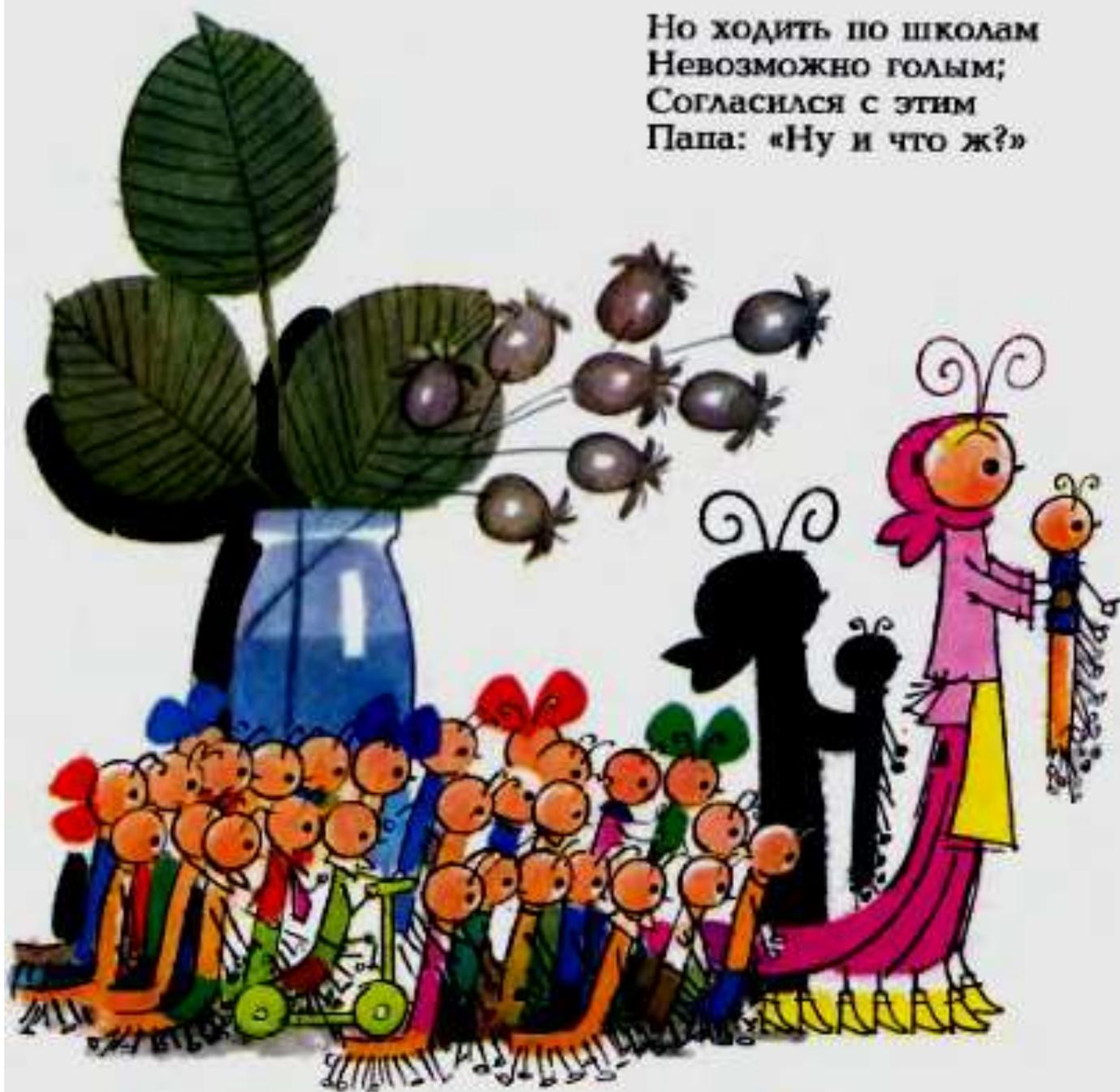
Мать Сороконожка,
Погрустив немножко,
Говорит: «Пора вам
В школу, детвора».

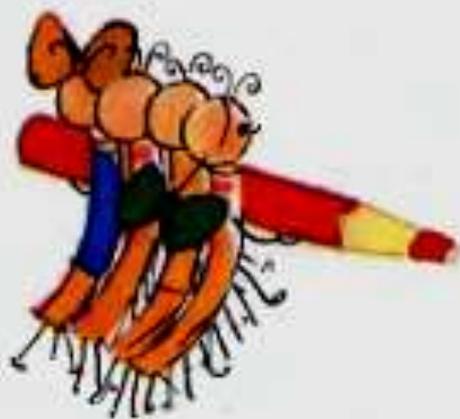

Папа с ними в дружбе.
Целый день на службе,
А когда вернётся
В тёплый уголок,

Но ходить по школам
Невозможно голым;
Согласился с этим
Папа: «Ну и что ж?»

Мама же сказала:
«Сосчитай сначала,
Сколько нашим детям
Надобно калош».

Для такой работы
Папа вынул счёты.
«Тише, дети, тише!»
Папа снял сюртук.

Если каждой ножке
Нужно по калошке,
То для всех детишек
Сколько ж это штук?

Тридцать три на сорок —
 Сосчитать не скоро.
 Это надо множить,
 Это долгий труд.

Захирела печка,
 Догорела свечка,—
 Папа с мамой тоже
 Сразу не сочтут.

33x40
 33x40
 33x40
 33x40
 33x40
 33x40
 33x40

33x40
 33x40
 33x40
 33x40

А когда же солнце
Глянуло в оконце,
Захотелось чаю,
Но сказала мать:

«Слишком много ножек
У сороконожек,
Я изнемогаю!»
И пошла гулять.

33x40

33x40

33x40

33x40

33x40

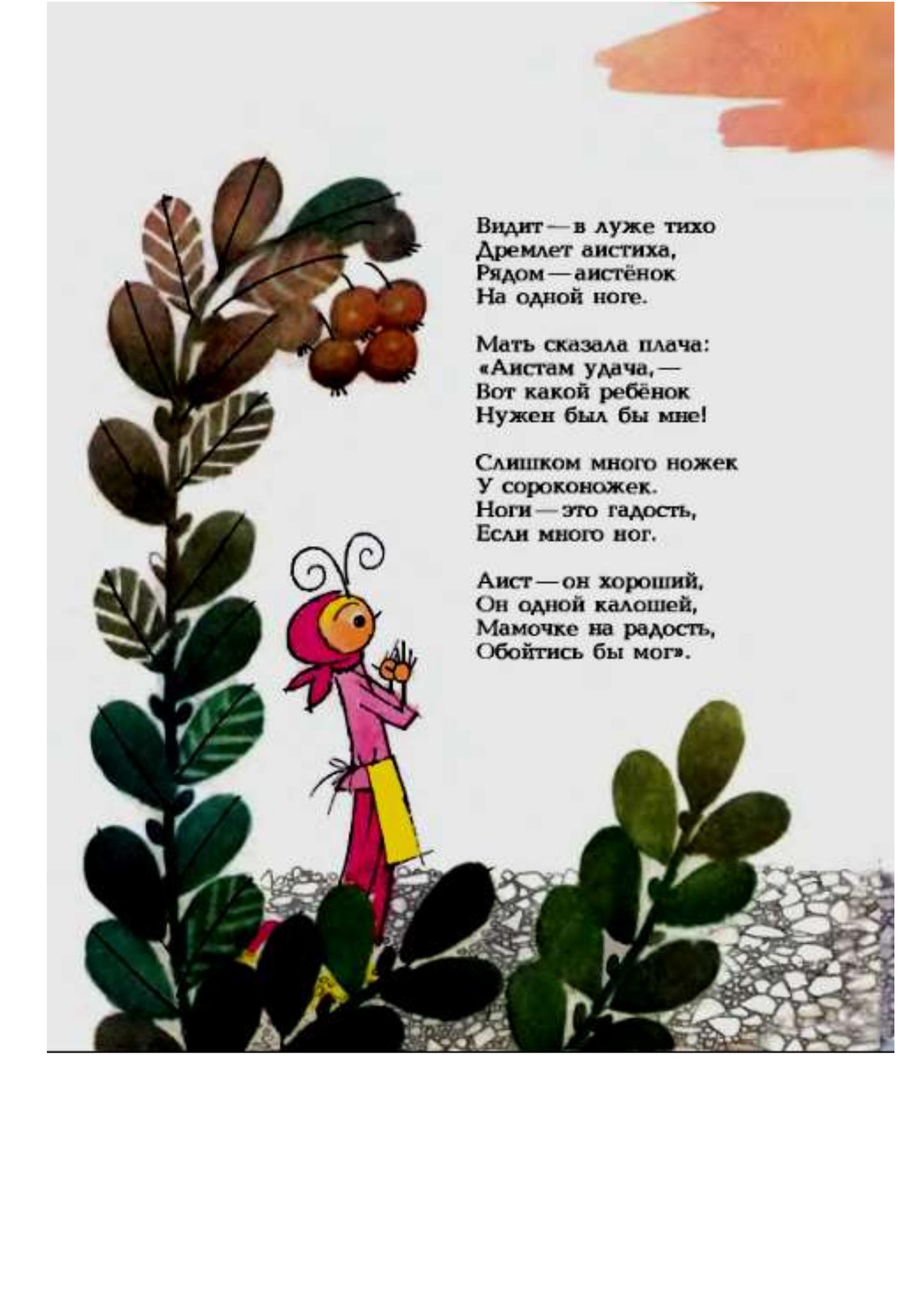
33x40

33x40

33x40

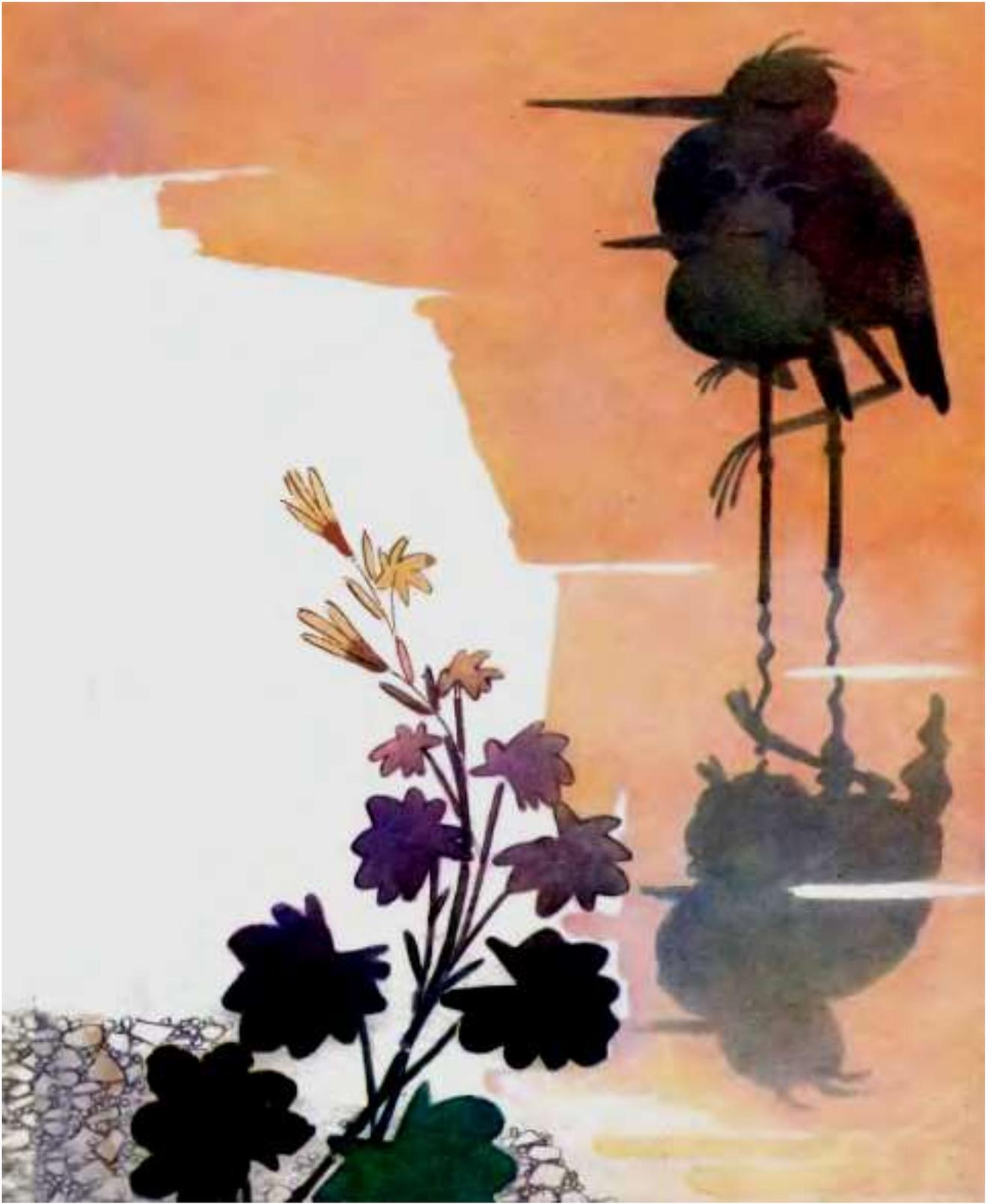

Видит — в луже тихо
Дремлет аистиха,
Рядом — аистёнок
На одной ноге.

Мать сказала плача:
«Аистам удача, —
Вот какой ребёнок
Нужен был бы мне!

Слишком много ножек
У сороконожек.
Ноги — это гадость,
Если много ног.

Аист — он хороший,
Он одной калошей,
Мамочке на радость,
Обойтись бы мог».

ДЕВОЧКА МОЯ

День окончен. Делать нечего.
Вечер снежно-голубой.
Хорошо уютным вечером
Нам беседовать с тобой.

Чиж долбит сердито жёрдочку,
Точно клетка коротка;
Кошка высунула мордочку
Из-под тёплого платка.

- Завтра, значит, будет праздница?

- Праздник, Жанна, говорят.

- Всё равно, какая разница,

Лишь бы дали шоколад.

- Будет всё, мой мальчик маленький,

Будет даже детский бал.

Знаешь: повар в старом валенке

Утром мышку увидал.

- Мама, ты всегда проказница:

Я не мальчик. Я же дочь.

- Всё равно, какая разница,

Спи, мой мальчик, скоро ночь

СЫНУ, КОТОРОГО НЕТ

(Колыбельная песня)

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь.
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама — чтобы петь.

Отгоню я сны плохие,
Чтобы спать могли
Мальчики мои родные,
Пальчики мои.

За окошком ветер млечный,
Лунная руда,
За окном пятиконечная
Синяя звезда.

Сын окрепнет, осмелеет,
Скажет: «Ухожу».
Красный галстучек на шею
Сыну повяжу.

Шибче барабанной дроби
Побегут года;
Приминая пыль дороги,
Лягут холода.

И прилаженную долю
Вскинет, как мешок,
Сероглазый комсомолец,
На губе пушок.

А пока, еще ни разу
Не ступив ногой,
Спи, мой мальчик сероглазый,
Зайчик дорогой...

Налепив цветные марки
Письмам на бока,
Сын мне снимки и подарки
Шлет издалека.

Заглянул в родную гавань
И уплыл опять.
Мальчик создан, чтобы плавать,
Мама — чтобы ждать.

Вновь пройдет годов немало...
Голова в снегу;
Сердце скажет: «Я устало,
Больше не могу».

Успокоится навеки,
И уже тогда
Весть помчится через реки,
Через города.

И, бледнея, как бумага,
Смутный, как печать,
Мальчик будет горько плакать,
Мама — будет спать.

А пока на самом деле
Все наоборот:
Мальчик спит в своей постели.
Мама же — поет.

И фланелевые брючки,
Первые свои,
Держат мальчишкины ручки,
Пальчики мои.
1927

СДАЕТСЯ КВАРТИРА

Однажды дала объявление
Улитка:
«Сдается квартира с отдельной
Калиткой.
Покой, тишина. Огород
И гараж.
Вода. Освещение.
Первый этаж».
Едва появилось в лесу
Объявление,
Тотчас же вокруг началось
Оживление.
Откликнулись многие.
С вышки своей
В рабочем костюме
Сошел муравей.
Нарядная, в перьях, явилась
Кукушка.
Амфибия (это такая
Лягушка)
Пришла с головастиком
(Юркий малыш!),
Потом прилетела
Летучая мышь.
А там и светляк —

Уже час был не ранний —
Приполз на квартирное
Это собрание,
И даже принес, чтоб не сбиться
В ночи,
Зеленую лампочку в четверть
Свечи.
Уселись в кружок. Посредине
Улитка.
И тут началась настоящая
Пытка!
Что, дескать, и комната
Только одна.
И как это так:
Почему без окна?
«И где же вода?» —
Удивилась лягушка.
«А детская где же?» —
Спросила кукушка.
«А где освещение?—
Вспыхнул светляк.—
Я ночью гуляю,
Мне нужен маяк».
Летучая мышь
Покачала головкой:
«Мне нужен чердак,
На земле мне неловко».—
«Нам нужен подвал,—
Возразил муравей,—
Подвал или погреб
С десятком дверей».
И каждый, вернувшись
В родное жилище,
Подумал: «Второго такого
Не сыщешь!»
И даже улитка —
Ей стало свежо —
Воскликнула:
«Как у меня хорошо!»
И только кукушка,
Бездомная птица,
Попрежнему в гнезда чужие
Стучится.
Она и к тебе постучит
В твою дверь:

«Нужна, мол, квартира!»
Но ты ей не верь.
Март 1941

СЕТТЕР ДЖЕК

Собачье сердце устроено так:
Полюбило — значит, навек!
Был славный малый и не дурак
Ирландский сеттер Джек.

Как полагается, был он рыж,
По лапам оброс бахромой,
Коты и кошки окрестных крыш
Называли его чумой.

Клеенчатый нос рылся в траве,
Вынюхивал влажный грунт;
Уши висели, как замшевые,
И каждое весило фунт.

Касательно всяких собачьих дел
Совесть была чиста.
Хозяина Джек любил и жалел,
Что нет у него хвоста.

В первый раз на аэродром
Он пришел зимой, в снег.
Хозяин сказал: «Не теперь, потом
Полетишь и ты, Джек!»

Биплан взметнул снежную пыль,
У Джека — ноги врозь:
«Если это автомобиль,
То как же оно поднялось?»

Но тут у Джека замер дух:
Хозяин взмыл над людьми.
Джек сказал: «Одно из двух —
Останься или возьми!»

Но его хозяин все выше лез,
Треща, как стрекоза.
Джек смотрел, и вода небес
Заливала ему глаза.

Люди, не заботясь о псе,
Возились у машин.
Джек думал: «Зачем все,
Если нужен один?»

Прошло бесконечно много лет
(По часам пятнадцать минут),
Сел в снег летучий предмет,
Хозяин был снова тут...

Пришли весною. Воздушный причал
Был бессолнечно-сер.
Хозяин надел шлем и сказал:
«Сядьте и вы, сэр!»

Джек вздохнул, почесал бок,
Сел, облизнулся, и в путь!
Взглянул вниз и больше не смог,—
Такая напала жуть.

«Земля бежит от меня так,
Будто я ее съем.
Люди не крупнее собак,
А собак не видно совсем».

Хозяин смеется. Джек смущен
И думает: «Я свинья:
Если это может он,
Значит, могу и я».

После чего спокойнее стал
И, повизгивая слегка,
Только судорожно зевал
И лаял на облака.

Солнце, скрытое до сих пор,
Согрело одно крыло.
Но почему задохнулся мотор?
Но что произошло?

Но почему земля опять
Стала так близка?
Но почему начала дрожать
Кожаная рука?

Ветер свистел, выл, сек
По полным слез глазам.
Хозяин крикнул: «Прыгай, Джек,
Потому что... ты видишь сам!»

Но Джек, припав к нему головой
И сам дрожа весь,
Успел сказать: «Господин мой,
Я останусь здесь...»

На земле уже полумертвый нос
Положил на труп Джек,
И люди сказали: «Был пес,
А умер, как человек».
1925

О МАЛЬЧИКЕ С ВЕСНУШКАМИ

Бывают на свете
Несчастные дети.
Ребенок — ведь он человек.
Веснушек у Боба
Ужасно как много,
И ясно, что это навек.

Ресницы и брови
Краснее моркови,
Глаза, как желток. А лицо —
Сплошная веснушка,
Как будто кукушка
Большое снесла яйцо.

Кто зло, кто без злобы
Смеется над Бобом.
Соседская лошадь — и та,
Впрягаясь в тележку,
Скрывает усмешку
Особым движеньем хвоста.

И Боб, это зная,
Робеет, хотя и
Ни в чем остальных не глупей.
Он первый из школы
Усвоил глаголы
И нрав десятичных дробей.

Ведь как бы иначе
Решал он задачи
Для девочки с ближней скамьи
Для маленькой Дороти
С бантом на вороте,
Из строгой-престрогой семьи.

И Дороти, ради
Ответа в тетради,
Сулит ему дружбу по гроб.
Но после урока
Домой одиноко
Уходит веснушчатый Боб.

И думает: кто же
К нему расположен,
Понятно, из тех, кто не слеп.
Как выбиться в люди,
И как же он будет
Себе зарабатывать хлеб.

И, лежа в постели,
Грустит,— неужели
Он так-таки в цирк не пойдет,
Где звери и маги,
Которые шпаги
Глощают, как мы — бутерброд...

Но как-то на крыше
Прочел он афиши,
Что фирме Дринкоутер и Грей
Нужны для рекламы
Мужчины и дамы
С веснушками, и поскорей.

Пришел он последний.
Все стулья в передней —
Все занято было сплошь, но

Напрасная проба,—
С веснушками Боба
Тягаться им было смешно.

Дринкоутер и Грей
Поглядел из дверей
На Боба и был восхищен.
Другие веснушки
Шепнули друг дружке,
Что, видно, прием прекращен.

Условия были:
Помесячно или
Полдоллара в день и еда
Из лучшей колбасной.
Спросили: «Согласны?»
И Боб им ответил, что да.

И профили Боба
По ниточке строго
В длину разделили, как флаг.
Один для контраста
Намазали пастой,
Другой же оставили так.

И стало понятно,
Что рыжие пятна
Теперь уже снега белей.
«Леченье приятно,
Образчик бесплатно
На складе Дринкоутер и Грей.

Поверьте успеху!»
И вот на потеху
Всем людям и всем лошадям,
Решимости полон,
Двухцветный пошел он
По улицам и площадям.

Пускай посторонние
Люди и кони
Смеются. Ему нипочем.
Полдоллара — это
Такая монета,
Что в цирк он пройдет богачом.

Но даже в столице —
Стотысячелицей —
Хотя и не часто, но ведь
Бывают же встречи
Такие, что лечь и —
Немедленно же умереть.

И Боб, как картофель
Отрезавший профиль
И на день продавший купцу,
С тактичной, хорошей
Соседскою лошадыю
Встретился мордой к лицу.

И в сторону Бобью
Взглянув исподлобья,
Та лошадь заржала смеясь:
«Да это не Боб ли?»
И даже оглобли
Присели от хохота в грязь.

И Боб, уничтоженный,
Обмер до дрожи,
И профиль — не тот, а другой,
Стал розовым очень
От этой пощечины,
Данною честной ногой.

И красный, толкая
Дома и трамваи,
Срывая с одежды плакат
С различными [пломбами](#),
Пестрою бомбой
Влетел он в аптекарский склад.

«Дринкоутер и Грей!
Пред лицом лошадей
Позорно порочить людей!
Мне денег не надо,
Нужна мне помада!
Прощайте, Дринкоутер и Грей.

Я вынесу стойко
Хоть голод, какой кол-

басою меня ни корми!»
И с гордой осанкой,
Без денег, но с банкой
Боб вышел и хлопнул дверьми.

Судьба — лотерея:
Дринкоутер и Грея
Скосили плохие дела,
А Бобу не цирк, а
Веснушечья стирка
Гораздо важнее была.

И с этого часа
Он староста класса,
Он ставит спектакли зимой.
И девочку Дороти,
Лучшую в городе,
Он провожает домой.
1927

ВАСЬКА СВИСТ В ПЕРЕПЛЕТЕ

В. Ч.

1. Что происходило в пивной

Как ни странно, но вобла была
(И даже довольно долго)
Живой рыбой, которая плыла
Вниз по матушке по Волге.

А горох рос вдоль степных сел
И завитком каждым
Пил дождь, когда он шел,
А не то - умирал от жажды.

Непохожая жизнь у них,
И разно бы надо есть их.
А к пиву во всех пивных
Их подают вместе.

И вобла слушает - поют
О Волге, ее отчизне,

А горох смотрит - люди пьют,
Как сам он пил при жизни.

Воблу ест и горох жует
Васька Свист, молодец и хват.
Черные краги, в петлице Добролет,
Во рту папироса Дукат.

Вдруг гороховый стал ком
В горле у Васьки Свиста:
В картузике с козырьком,
Картиночка, красота -

Вошла, как будто бы отдохнуть
(С нею никто не вошел),
И спокойно так говорит: "Кто-нибудь,
Вытрите мне этот стол".

"Кто-нибудь" в грязном фартуке стол обтер,
Села она у стены.
Васька Свист глядит на нее в упор,
А она хоть бы хны.

На эстраду гитарный спец влез,
Дзинь-дзинькает так и так.
Разносят раков-деликатес:
Сорок копеек рак.

Васька Свист за соседний стол глядит
И, опутан гитарной игрой,
Двух раков берет в кредит,-
Один, между прочим, с икрой.

Васька Свист на вид хотя и прост,
Но он понимает людей.
Он берет рака за алый хвост
И, как розу, подносит ей.

Рвись, гитара, на тонкой ноте.
Васька Свист, любовь тая:
- Отчего ж, говорит, вы не пьете,
Гражданочка вы моя.

И вот за столиком уже двое.
Ах, ручка - живой магнит.

Ах картузик, зачем он так ловко скроен,
Зачем он так крепко сшит.

И вобла, рыбы глаза сузив,
Слушает час подряд,
Что говорит шерстяной картузик
И что папироса Дукат.

Картузик шепчет: - Решайся сразу.
Ты, видать, таков.
Вырезать стекло алмазом -
Пара пустяков.

Зашибешь, говорит, классно,
Кошелечки готовь.
Ты, говорит, возьмешь, говорит, себе, говорит, кассу.
И, говорит, мою, говорит, любовь.

Звенит, рассыпается струнный лад,
Гороховый говорок.
Выходит за дверь папироса Дукат,
И рядом с ней козырек.

2. Что сказал милиционер своему начальнику

Нога шибко болит. За стул
Спасибо, товарищ начальник.
Стою это я на своем посту,
А пост у меня дальний.

Стою в порядке. Свисток в руке.
Происшествий нет. Луна тут.
(В эту пору в березняке
До чего соловьи поют!)

Вдруг вижу: идет с угла
(А я отродясь не пил)
Женщина, в чем мать родила.
На голове кэпи.

Годов, примерно, двадцати.
Ну, думаю, однако...
А она: "Яшенька, не свисти",-
А я, как на грех, Яков.

Голос нежный. Глазища - вот.
Руку, товарищ начальник, жмет,
Девушка - первый сорт.
Эх, думаю, чорт.

Делаю два шага.
Вдруг, слышу, стекло - звяк...
Бросил девку, схватил наган,
Эх, думаю, дурак.

Кинулся за дрова.
Здесь, думаю, где-нибудь.
Он - выстрел. Я два.
Он мне в ногу. Я ему в грудь.

Дело его слабо.
Я же, хоть я и цел,
Виновен в том, что бабу
Я не предусмотрел.

3. Что сказал в больнице дежурный врач

Пульс сто двадцать.
Сердечная сумка задета.
Начнет задыхаться -
Впрыскивайте вот это.

Хоронить еще рано,
Лечить уже поздно.
Огнестрельная рана.
Положенье серьезно.

4. Что сказал перед смертью Васька Свист

Поглядела карым глазом.
"Ты, видать, таков:
Вырезать стекло алмазом -
Пара пустяков".

Что касается бокса -
Я, конечно, на ять
Почему я разлегся,
Когда надо бежать?!

Потихоньку вылазьте,

Не споткнитесь, как я.
Дайте ручку на счастье,
Золотая моя.

Как ее имя?
Кто это?.. Стой!..
Восемь гривен
Я должен в пивной.

Крышка. Убили.
Главное - жжет
В плохой ты, Василий,
Попал переплет...

5. Что было написано в газете

Ограбление склада (петит),
Обдуманное заранее.
Товар найден.
Грабитель убит.
Милиционер ранен.

* * *

Всему под звездами готов
Его черед.
И время таянья снегов
Придет.
И тучи мая на гранит
Прольет печаль.
И лунный луч осеребрит
Миндаль.
И запах обретет вода
И плеск иной,
И я уеду, как всегда,
Весной.
И мы расстанемся, мой свет,
Моя любовь,
И встретимся с тобой иль нет
Вновь?
1919

* * *

Всему под звездами готов
Его черед.
И время таянья снегов
Придет.
И тучи мая на гранит
Прольет печаль.
И лунный луч осеребрит
Миндаль.
И запах обретет вода
И плеск иной,
И я уеду, как всегда,
Весной.
И мы расстанемся, мой свет,
Моя любовь,
И встретимся с тобой иль нет
Вновь?
1919

ДОМОЙ, ДОМОЙ!..

1

Скворец-отец,
Скворчиха-мать
И молодые скворушки
Сидели как-то вечерком
И оправляли перышки.
Склонялись головы берез
Над зеркалом пруда,
Воздушный хоровод стрекоз
Был весел, как всегда.
И белка огненным хвостом
Мелькала в ельнике густом.
«А не пора ли детям спать?—
Сказал скворец жене.—
Нам надобно потолковать
С тобой наедине».
И самый старший из птенцов
Затеял было спор:
«Хотим и мы в конце концов

Послушать разговор». А младшие за ним: «Да, да, Вот так всегда, вот так всегда». Но мать ответила на то: «Мыть лапки, и — в гнездо!» Когда утихло все кругом, Скворец спросил жену: «Ты слышала сегодня гром?» Жена сказала: «Ну?» — «Так знай, что это не гроза, А что — я не пойму. Горят зеленые леса, Река — и та в дыму. Взгляни, вон там из-за ветвей, Уже огонь и дым. На юг, чтобы спасти детей, Мы завтра же летим». Жена сказала: «Как на юг? Они же только в школе. Они под крыльями, мой друг, Натрут себе мозоли. Они летали, ну, раз пять И только до ворот. Я начала лишь объяснять Им левый поворот. Не торопи их, подожди. Мы полетим на юг, Когда осенние дожди Начнут свое тук-тук». И все же утром, будь что будь, Скворец решил: «Пора!» Махнула белка: «В добрый путь, Ни пуха ни пера!»

2

И вот на крылышках своих Птенцы уже в пути. Отец подбадривает их: «Лети, сынок, лети. И ничего, что ветер крут. И море не беда. Оно — как наш любимый пруд, Такая же вода. Смелее, дочка, шире грудь». —

«Ах, папа, нам бы отдохнуть!» -
Вмешалась мать:
«Не плачьте,
Мы отдохнем на мачте.
Снижайтесь. Левый поворот.
Как раз под нами пароход,
Его я узнаю».
Но это был военный бот,
Он вел огонь в бою.
Он бил по вражеским судам
Без отдыха и сна,
За ним бурлила по пятам
Горячая волна.
«Горю, спасайте же меня!» —
Вскричал один пленец.
Его лизнул язык огня,
И это был конец.
«Мой мальчик»,— зарыдала мать
«Мой сын»,— шепнул отец.
И снова лётное звено,
В разрывах огневых,
Летит, утратив одного,
Спасая остальных.

3

И, наконец, навстречу им
Раскинулся дугой,
За побережьем золотым
Оазис голубой.
Туда слетелись птицы
Со всех концов земли:
Французские синицы,
Бельгийские щеглы,
Норвежские гагары,
Голландские нырки.
Трещат сорочьи пары,
Воркуют голубки.
Успели отдышаться
От пушек и бойниц.
Глядят — не наглядятся
На здешних райских птиц.
Одна, с жемчужным хохолком,
На розовой ноге,
Вся отразилась целиком

В лазоревой воде.
Другая в воздухе парит,
Готовая нырнуть,
И чистым золотом горит
Оранжевая грудь.
А третья, легкая, как пух,
И синяя, как ночь,
Передразнила этих двух
И улетела прочь.
Плоды, их пряный аромат,
Обилие сластей —
Все это настоящий клад
Для северных гостей.
Но с каждым днем все тише
Их щебет, все слабей.
По черепичной крыше
Тоскует воробей.
Исплакалась сорока,
Что ей невмоготу,
Что ветер тут — сирокко —
Разводит духоту.
Ей зимородок вторит:
«Я к зною не привык.
И до чего же горек
Мне сахарный тростник».
А ласточки-касатки
Летают без посадки,
Все ищут целый день
Колодец и плетень.
И стал благословенный юг
Казаться всем тюрьмой.
Все чаще слышалось вокруг:
«Хотим домой, домой!»—
«Домой, всем хищникам на зло!—
Журавль провозгласил.—
Кто «за», прошу поднять крыло».
И точно ветром их взмело,
Взлетели сотни крыл.

4

И в сторону родных границ,
Дорогою прямой,
Под облаками туча птиц
Легла на курс — домой.

А подмосковные скворцы,
Знакомая семья,
Какие стали молодцы
И дочь и сыновья.
Как им легко одолевать
И ветер и мокреть.
Как чтут они отца и мать,
Успевших постареть.
«Гляди-ка, мама, вон корабль,
И папа отдохнет». —
«Вниманье, — приказал журавль,
Разведчики, вперед!»
И донесли кукушки,
Что весел рулевой
И что чехлами пушки
Укрыты с головой.
Противник незаметен,
Повсюду тишина.
И, видимо, на свете
Окончилась война.
И начали садиться
На плотные чехлы:
Французские синицы,
Бельгийские щеглы.
Счастливых щебетаний
И возгласов не счесть.
Щебечут на прощанье
Друг другу обещанье:
«Напишем. Перья есть!»
И разлетелся птичий хор
По множеству дорог.
Но долго боевой линкор
Забыть его не мог.
Все слушал, напрягая слух,
Глядел на облака,
И все садился легкий пух
На куртку моряка.

5

Еще стояли холода
Во всей своей красе.
Еще белели провода
Можайского шоссе.
Один подснежник-новичок

Задумал было встать,
Уже приподнял колпачок
И спрятался опять.
В мохнатом инее седом
Столетняя сосна.
И все же где-то подо льдом
Уже журчит весна.
С деревьев белые чепцы
Вот-вот уже спадут.
«Мы дома,— говорят скворцы,
Мы не замерзнем тут».
Летят над зеркалом пруда,
Где отражен рассвет.
А вдруг скворешня занята?
А вдруг скворешни нет?
Но белка голубым хвостом
Махнула в ельнике густом:
«Привет, друзья, привет!
Как долетели? Как дела?
Я вам квартиру сберегла,
Я там ремонт произвела,
Живите в ней сто лет...»
Умывшись с головы до ног,
Уселись старики-скворцы
В скворешне на порог,
Сказали: «Мы уж не певцы,
А ты вот спой, сынок».
Еще застенчивый юнец
Сначала все робел,
Насвистывал. И, наконец,
Настроившись, запел.
О том, какие бы пути
Куда бы ни вели,
Но в целом свете не найти
Милей родной земли.
Он разливался ручейком,
Как будто был апрель,
Как будто маленьким смычком
Выделявая трель.
Она из глубины души
Легко лилась в эфир.
Как эти песни хороши,
И как прекрасен мир!

Ноябрь 1944 — февраль 1945

* * *

Душе, уставшей от страсти,
От солнечных бурь и нег,
Дорого легкое счастье,
Счастье - тишайший снег.

Счастье, которое еле
Бросает звездный свет;
Легкое счастье, тяжеле
Которого нет.

1920

* * *

Желтее листья. Дни короче
(К шести часам уже темно),
И так свежи сырые ночи,
Что надо закрывать окно.

У школьников длинней уроки,
Дожди плывут косою стеной,
Лишь иногда на солнцепеке
Еще уютно, как весной.

Готовят впрок хозяйки рьяно
Грибы и огурцы свои,
И яблоки свежо-румяны,
Как щеки милые твои.

* * *

Забыла все: глаза, походку, голос,
Улыбку перед сном;
Но все еще полна любовью, точно колос
Зерном.

Но все еще клонюсь. Идущий мимо,
Пройди, уйди, не возвращайся вновь:
Еще сильна во мне, еще неодолима
Любовь.

1919, Одесса

* * *

Лучи полудня тяжело пламенеют.
Вступаю в море, и в морской волне
Мои колена смугло розовеют,
Как яблоки в траве.

Дышу и растворяюсь в водном лоне,
Лежу на дне, как солнечный клубок,
И раковины алые ладоней
Врастают в неподатливый песок.

Дрожа и тая, проплывают челны.
Как сладостно морское бытие!
Как твердые и медленные волны
Качают тело легкое мое!

Так протекает дивный час купанья,
И ставшему холодным, как луна,
Плечу приятны теплые касанья
Нагретого полуднем полотна.
1919

* * *

Месяцы нас разделили,
Я даже не знаю, где ты,
Какие снега или пыли
Заметают твои следы.

Город большой или дом лишь
Замыкают твоё бытие,
И помнишь ты или не помнишь
Самое имя мое?
1920

МОСКВА В НОРВЕГИИ

Облаков колорит
О зиме говорит.
Пахнет влагой и хвоей,
Как у нас под Москвою.
Мох лежит под сосной,
Как у нас под Москвой.
Все как дома,
И очень знакомо.
Только воздух не тот,
Атмосфера не та,
И от этого люди другие,
Только люди не те, что у нас,
И на вас
Не похожи, мои дорогие.
Дорогие друзья, я писала не раз,
Что разлука — большая обуза.
Что разлука — змея.
И действительно, я
Не должна уезжать из Союза.
За границей легко только первые дни,
В магазине прилавок наряжен.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Эти перья и эти тетради!)
А какие здесь есть города! Например,
Старый Берген, который недаром
(Это скажет вам каждый порядочный гид)
Знаменит
Своим рыбным базаром.
Голубая макрель, золотая треска
На холодном рассвете багровом.
Я взглянула на рыбу —
И в сердце тоска
Вдруг впилась мне крючком рыболовным.
Я припомнила ясно: в корзине, в ведре ль,
Распластав плавников острия,
Та же белая в синих полосках макрель,
Только звали ее «скумбрия».
И какая чудесная юность была
В те часы на песке под горой!
И какая огромная жизнь пролегла
Между этой и той скумбрией!

И печаль об исчезнувшей прелести дней
Полоснула меня, как ножом.
И подумала я: «Ничего нет грустней
Одиночества за рубежом».
Только вижу: у рыбного ряда стоит,
Упершись рукавицей в бедро,
В сапогах и брезенте, назад козырек,
Ну, точь-в-точь паренек
Из метро.
Я невольно воскликнула: «Ах ты,
Из какой это вылез он шахты?»
Он ко мне по-норвежски (а я ни гугу),
По-иному он, вижу, не слишком.
Неужели же, думаю, я не смогу
Побеседовать с этим парнишкой?
И, доставши блокнот, так, чтоб он увидал.
На прилавке под рыбным навесом
Я рисую родимого моря овал
И пишу по-латински «Odessa».
И тогда паренек на чужом берегу
Улыбается мне, как рыбак рыбаку.
Паренек улыбается мне от души,
Он берет у меня карандаш.
(До чего хороши
Эти карандаши,
Если держит их кто-нибудь наш!)
Он выводит знакомое слово «Moskwa».
И от этого слова — лучи.
(До чего хорошо, что иные слова
Даже в дальних краях горячи!)
Он приветствует в эту минуту Союз,
Он глядит хорошо и всерьез.
И, содрав рукавицу и сбросив картуз,
Он трясет мою руку до слез.
Хорошо, что на грусть мы теряем права
И что, как бы он ни был далек,
Человек с удивительным словом «Москва»
Не бывает нигде одинок.
1934

НА МОТИВ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Всю-то я вселенную проехал,
Любовался блеском всех светил.
Мне и тучи были не помехой,
Мне и гром препятствий не чинил.

Молния однажды между пальцев
У меня скользнула невзначай.
И кометы, вечные скитальцы,
Мне кричали: «Здравствуй и прощай!»

Я гостил у радуги под кровом,
Подходил я к солнца рубежам.
Видел я, как в облаке пуховом
Месяц новорожденный лежал.

Из конца в конец, по звездным вехам,
Даже Млечный путь я обошел...
Всю-то я вселенную проехал,
Но второй России не нашел.
1943

* * *

Надо мной любовь нависла тучей,
Помрачила дни,
Нежностью своей меня не мучай,
Лаской не томи.

Уходи, пускай слеза мешает
Поглядеть вослед.
Уходи, пускай душа не знает,
Был ты или нет.

Расставаясь, поцелую, плача,
Ясные глаза.
Пыль столбом завьется, не иначе
Как гроза.

Грянет гром. Зашепчет, как живая,

В поле рожь.
Где слеза, где капля дождевая -
Не поймешь.

Через час на ведро золотое
Выглянет сосед
И затопчет грубою стопою
Милый след.
1919

НАША БИОГРАФИЯ

Лошадка добрая моя,
По имени Пегас,
Ты тут как тут, чуть только
Отдам тебе приказ.
Не будь бы этого, беда —
Ходить бы мне пешком.
И только редко, иногда,
Ты молвишь мне тишком:
«Хозяюшка, повремени,
Дозволь передохнуть.
Невыносимые ремни
Мне натрудили грудь.
Путей-дорог не разузнав.
Я попадал в затор.
Карабкаюсь по крутизнам,
Я ноги поистер».
Пегашка, верный мой конек,
Друг сердца моего,
Чтоб ты чего-нибудь не мог.—
Не может быть того.
Твоя испытанная прыть
Другим коням пример.
А ну-ка... надо повторить
И взять вон тот барьер...
Но надо думать, как-никак
Настанет день такой,
Когда удастся, мой бедняк,
Уйти нам на покой.

Оставив небогатый кров,
Неприхотливый скарб,
Возьмем с тобой последний ров,
Последний наш эскарп.
Перемахнем через плато,
А там — ручей и луг,
Где будет нами испито
Спокойствие, мой друг.
Старинный рыцарский пейзаж,
Приют усталых душ;
Кому придет такая блажь —
Искать такую глушь!
Живем мы, дней не торопя,
Спокойные душой.
Тревожу редко я тебя
Прогулкой небольшой.
Но чу!.. Из-за кольца лесов
Донесся в наш приют
Какой-то звук, какой-то зов —
И ты уж тут как тут.
«Хозяюшка, поторопись!
Темнеет. Путь далек.
Попробуем сначала рысь,
А там пойдем в галоп».
И снова, юные, как встарь,
Летим, барьер беря.
Горит над нами, как янтарь,
Закатная заря...
И так, покуда не погас
Вечерний этот свет,
Мы неразлучны, мой Пегас,
И нам покоя нет.
Все тот же путь, все тот же кров,
На радости скупой.
И так — пока могильный ров
Нас не возьмет с тобой.

1945

* * *

Скупа в последней четверти луна.
Встает неласково, зарей гонима,
Но ни с какой луною не сравнима
Осенней звездной ночи глубина.

Не веет ветер. Не шумит листва.
Молчание стоит, подобно зною.
От Млечного Пути кружится голова,
Как бы от бездны под ногою.

Не слышима никем, проносится звезда,
Пересекая путь земного взгляда.
И страшен звук из темной глуби сада,
Вещающий падение плода.
1920

* * *

Слишком быстро проходит жизнь моя,
Редееет лесной опушкой,
И я - вот эта самая я -
Буду скоро беленькой старушкой.

И в гостиной у дочери моей Жанны,
Одетая по старинной моде,
Буду рассказывать медленно и пространно
О девятьсот семнадцатом годе.

Шумное молодое племя
Будет шептаться с моим зятем:
- Бабушка-то... в свое время
Писала стихи... еще с ятем.

По тихому-тихому переулку,
На закате, когда небо золотится,
Я буду выходить на прогулку
В теплом платке и лисицах.

Ты будешь вести меня любовно и учтиво
И скажешь:- Снова сыро. Вот горе!-
И долго мы будем глядеть с обрыва
На красные листья и синее море.
1920

* * *

Такой туман упал вчера,
Так волноваться море стало,
Как будто осени пора
По-настоящему настала.

А нынче свет и тишина,
Листва медлительно желтеет,
И солнце нежно, как луна,
Над садом светит, но не греет.

Так иногда для, бедных, нас
В болезни, видимо опасной,
Вдруг наступает тихий час,
Неподражаемо прекрасный.
1920

ТОВАРИЩ ВИНОГРАД

У апельсина кожура
Красней гусиных лап.
На родине была жара,
А нынче он озяб.
Такой тут ветер ледяной,
Что стынут даже сосны.
А он, подумайте, в одной
Обертке папиросной.
Впервые снежных звездочек
Он увидал полет,
Застыл до самых косточек
И превратился в лед.
Покрыт пупырышками весь
Бедняга-апельсин.

Он люто замерзает здесь,
Да и не он один.
Вот персик. Он тепло одет,
На нем пушистый ворс,
На нем фланелевый жилет,
И все же он замерз.
А золотистый виноград,
Приехав ночью в Ленинград,
Увидел утром Летний сад
И кинулся к нему.
Он видел — статуи стоят.
И думал: «Я — в Крыму.
Пройдет еще немного дней,
Загар покроет их...»
Раздетых мраморных людей
Он принял за живых.
Но скоро бедный южный гость
Лежал в опилках, весь дрожа,
А холод резал без ножа,
Терзал за гроздью гроздь.
Но в эту же погоду,
На этом же лотке
Антоновские яблоки
Лежали налегке.
Их обнаженной коже
Морозец не мешал,
И было непохоже,
Чтоб кто-нибудь дрожал.
И самое большое
И крепкое из всех
Сказало апельсинам
И винограду: «Эх!
Укрыть бы вас покрепче
От наших снегов,
Да ведь не напасешься
На вас пуховиков.
Но вот что я скажу вам,
Товарищ Виноград,
На юге жил ученый,
И у него был сад,
Где изучал замашки он
Фисташки и айвы,
Где, главное, заботился
Он о таких, как вы.
Чтоб вы росли и зрели

Под ветром ледяным,
Чтобы суровый север
Казался вам родным.
Чтоб было вам, как яблокам,
Не страшно ничего.
Зовут его Мичуриным —
Ученого того.
Ему поставлен памятник
В Москве, мои друзья.
В руке он держит яблоко,
Такое же, как я».
В эту же минуту,
Услышав эту речь,
У апельсинов будто
Скатилась тяжесть с плеч.
И сразу встрепенулся
И счастлив был, и рад,
И сладко улыбнулся
Товарищ Виноград.
Май 1941

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт —
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.
Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.
Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,

Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий, бородатый —
Похоже, партизан,
Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофеей —
И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Жестокого врага,
Огнем своей винтовки
Вести фа
шистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.
Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек,
Грудной ребенок — в байке
Откинут уголок —
Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого,—
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обновленье мира,
За будущность твою.
Ноябрь 1941, Ленинград

* * *

Тяжелознойные лучи легли
На пышные фруктовые сады,
Преобразуя горький сок земли
В сладчайшие плоды.

От солнца ал, серебрян от луны,
Тяжелый персик просится в уста,

И груши упоительно бледны
Под зонтиком листа.

Внимая пенью пчел, глаза закрыв,
Под старым деревом лежи и жди:
С порывом ветра хлынут спелых слив
Лиловые дожди.

Чем глубже лето - тем пышнее сад;
Клонится до земли живой венец.
И царь плодов - кудрявый виноград -
Явился наконец.
1920

* * *

У первой мухи головокруженье
От длительного сна:
Она лежала зиму без движенья,-
Теперь весна.

Я говорю:- Сударыня, о небо,
Как вы бледны!
Не дать ли вам варенья, или хлеба,
Или воды?

- Благодарю, мне ничего не надо,-
Она в ответ.-
Я не больна, я просто очень рада,
Что вижу свет.

Как тяжело жить зимой на свете сиром,
Как тяжело видеть сны,
Что мухи белые владеют миром,
А мы побеждены.

Но вы смеетесь надо мной? Не надо.-
А я в ответ!
- Я не смеюсь, я просто очень рада,
Что вижу свет.
1919

* * *

Уж свою Францию
Не зову в тоске;
Выхожу на станцию
В ситцевом платке.

Фонари янтарные
Режут синеву,
Поезда товарные
Тянутся в Москву.

Тяжкой вереницею,
Гружены горой:
Южною пшеницею,
Северной рудой.

А не то, синеющий
Раздвигая лес,
Ураганом веющий,
Пролетит экспресс.

Сгиньте, планы дерзкие,
На закате дня.
Поезда курьерские,
Вы не для меня.

Торные, окольные
Все пути кругом.
Ездила довольно я,
Похожу пешком.

Ярче изумруда
Месяца восход.
«Гражданка, откуда?» —
Спросит пешеход.

Путь мой не бесплоден,
Цель найду опять.
Только трудно родину,
Потеряв, сыскать.
1922, Москва

* * *

Уже заметна воздуха прохлада,
И убыль дня, и ночи рост.
Уже настало время винограда
И время падающих звезд.

Глаза не сужены горячим светом,
Раскрыты широко, как при луне.
И кровь ровней, уже не так, как летом,
Переливается во мне.

И, важные, текут неторопливо
Слова и мысли. И душа строга,
Пустынна и просторна, точно нива,
Откуда вывезли стога.

1920

ЧИТАТЕЛЮ

Читатель мой, ненужно бояться,
Что я твой книжный шкаф обременю
Посмертными томами (штук пятнадцать),
Одетыми в тисненую броню.

Нет. Издана не пышно, не богато,
В простой обложке серо-голубой,
То будет книжка малого формата,
Чтоб можно было брать ее с собой.

Чтобы она у сердца трепетала
В кармане делового пиджака,
Чтобы ее из сумки извлекала
Домохозяйки теплая рука.

Чтоб девочка в капроновых оборках
Из-за нее бы не пошла на бал,
Чтобы студент, забывши про пятерки,
Ее во время лекции читал...

«Товарищ Инбер,— скажут педагоги,—
Невероятно! Вас не разберешь.

Вы нарушаете регламент строгий,
Вы путаете нашу молодежь».

Я знаю — это не педагогично,
Но знаю я и то, что сила строк
Порою может заменить (частично)
Веселый бал и вдумчивый урок.

Течение дня частенько нарушая
(Когда сама уйду в небытие),—
Не умирай же, книжка небольшая,
Живи подольше, детище мое!
1963